

II

Наша литература по истории Северного Причерноморья в античную эпоху недавно обогатилась очень обстоятельным трудом Г. Д. Белова «Херсонес Таврический». Это исследование по истории Херсонеса в античную эпоху подробно освещает вопросы хозяйственной и культурной жизни города. Автор мастерски обобщает весь доступный материал по избранной им теме, широко используя результаты раскопок последних лет, производившихся под его руководством. При этом Г. Д. Беловым впервые высказан целый ряд очень интересных положений, например, о времени сооружения оборонительных стен Херсонеса. Не подлежит сомнению, что работа Г. Д. Белова станет настольной для каждого изучающего херсонесские древности. Являясь строго научным исследованием, книга написана очень простым и доступным языком, что позволяет пользоваться ею не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Те немногочисленные возражения, которые мы намереваемся сделать автору, касаются главным образом одного раздела — древнейшей истории Херсонеса. При этом мы будем оспаривать преимущественно не положения, выдвинутые Г. Д. Беловым, а некоторые мнения, укоренившиеся в настоящее время, которые автор принимает без надлежащей критики.

Автор рецензируемой работы разделяет мнение акад. А. И. Тюменева, что возникновение Херсонеса Таврического относится к 422—421 гг. до н. э. До этого времени, согласно утверждению Г. Д. Белова, на месте Херсонеса жило туземное население, в силу чего основание Херсонеса, в сущности, было присоединением греков к этому поселению (стр. 33). Развивая эту мысль, автор приходит к выводу, что местное поселение в начальную пору существования города пользовалось равноправием с греками (стр. 33). Далее Г. Д. Белов утверждает, что главным и, вероятно, единственным занятием жителей Херсонеса с конца V в. до н. э. до конца IV в. до н. э. была торговля, а зачатки херсонесского земледелия относятся лишь к концу IV в. до н. э. (стр. 54—55), когда, по мнению автора, была освоена территория Герacleйского полуострова.

Эти положения нуждаются в пересмотре. Постараемся набросать в основных чертах древнейшую историю Херсонеса, опираясь на доступные нам, к сожалению, довольно скудные, данные.

Историю возникновения Херсонеса, равно как и других античных колоний на Понте, закономерно изучать, учитывая наличие трех этапов в освоении греками Северного Причерноморья. Таковыми являются: во-первых, период случайных эпизодических посещений мореходами понтийских берегов; во-вторых, период основания временных, а затем и постоянных торговых факторий, и, наконец, последним этапом было возникновение городов типа эллинских полисов.

Остановимся прежде всего на первом этапе — эпохе отдельных посещений негостеприимного Понта. В отличие от Фасиса и Пантикапея, связанных с мифами об аргонавтах, мы не находили упоминаний о Херсонесе в подобных источниках. Относящийся к Троянскому циклу миф о пребывании Ифигении в Тавриде говорит о таврах, умалчивая о Херсонесе, вероятно, потому, что последний тогда еще не существовал. Это ставит под сомнение наличие древнего, до-греческого поселения на месте Херсонеса. Во всяком случае до обнаружения надежных археологических находок вопрос о нем остается, по меньшей мере, открытым. Не должно забывать, что хотя эллинские колонии нередко возникали на местах туземных поселений, но это отнюдь не должно было быть правилом. Выбор места поселения туземными обитателями, стоявшими на ином уровне экономического и социального развития, диктовался нередко иными мотивами, чем те, которыми руководствовались греческие пришельцы. Поэтому отнюдь не исключена возможность основания эллинских колоний и на местах, до того времени не освоенных местным населением.

Перейдем теперь ко второму этапу — периоду существования торговых факторий. В рецензируемой работе этот этап истории Херсонеса в сущности выпал, коль

скоро автор отождествляет возникновение Херсонеса с основанием гераклейской колонии в 422—421 гг до н. э. Однако многочисленные находки расписной керамики VI и особенно V вв. до н. э.¹, которые имели место в Херсонесе, не позволяют нам обходить молчанием этот вопрос. Весьма примечательно, что среди найденных в Херсонесе глиняных сосудов видное место принадлежит лекифам, которые были теснейшим образом связаны с палестринским бытовым укладом и встречаются в Северном Причерноморье вне эллинских колоний лишь в порядке редчайших исключений.

Помимо керамики, нам известна еще находка в Херсонесе фрагментов, вероятно, надгробного рельефа строгого стиля, изображающего юношу с копьем в руке. Эта монументальная скульптура, явно предшествовавшая по времени возникновению гераклейской колонии, тем не менее не дает еще оснований заключить о значительном и постоянном процветании торговой фактории, основанной в VI в. до н. э., вероятно, ионянами. Находившаяся по соседству с таврами — наименее культурными из всех обитателей Северного Причерноморья — херсонесская фактория, возможно, служила преимущественно промежуточной стоянкой для кораблей, следовавших вдоль южного берега Крыма. Весьма примечательно, что, просуществовав около полутора столетия, она была превращена в город только переселившимися туда гераклеотами; последние были внешней и, возможно, враждебной силой по отношению к обитателям фактории.

Наконец, переходим к третьему, последнему этапу — возникновению Херсонесского полиса. Дата этого события подробно исследована академиком А. И. Тюменевым², убедительно доказавшим, что гераклеоты основали Херсонес в 422—421 гг. до н. э. Скудость известных нам данных не позволяет заключать, в каких условиях возникла новая колония и каковы были отношения пришельцев к местному населению. Во всяком случае ничто не говорит об основании нового города совместными усилиями греков и тавров. Такое предположение маловероятно еще и потому, что дорийскому городу — Херсонесу — предшествовала, нужно думать, ионийская торговая станция, а не таврское поселение.

Для изучения взаимоотношений пришлого и местного населения в Херсонесе исключительное значение имеет некрополь, открытый Г. Д. Беловым в 1936—

¹ Перечислим известные нам памятники: к VI в. до н. э. относятся; 1) двуручный приземистый плоскодонный кувшин с орнаментом в виде полос ионийской работы (Херсонесский музей, инв. № 7652/10; инв. 25 г., 191/4); 2) фрагмент мелкофигурного килика с изображением пантеры, относящийся к третьей четверти VI в. до н. э. (Херсонесский музей, инв. 25 г., № 208); 3) чернофигурный лекиф с изображением на тулове гоплита между двумя фигурами в гиматиях, относящийся примерно к последней трети VI в. до н. э. (Киевский исторический музей, инв. № 7090).

Концом VI или началом V в. до н. э. следует датировать фрагмент чернофигурного сосуда, вероятно, ойнохой (Херсонесский музей, инв. 25 г., № 3199). К самому началу V в. до н. э. следует отнести чернолазковый лекиф с орнаментом в виде поясков простого узора из точек (Херсонесский музей, инв. 25 г., № 3210). К второй четверти V в. до н. э. относятся три лекифа с белой обливкой (Херсонесский музей): а) с изображением ветки плюща, обрамленной снизу и сверху прямой сеткой (инв. № 3207); б) с изображением трех горизонтально расположенных пальметт, обрамленных снизу и сверху шашечницей (инв. № 3209); в) с изображением ветки плюща, обрамленной сверху прямой сеткой (инв. № 3208). Вероятно, V в. до н. э. следует также датировать небольшой чернофигурный фрагмент (Херсонесский музей, инв. 25 г., № 3199) и ионийский кувшин с орнаментом в виде полос (А. И. Тюменев, Херсонесские этюды, ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 249).

² А. И. Тюменев, Херсонесские этюды, ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 245 сл.

1937 г.¹. Раскопки этого некрополя, бесспорно, являются одним из самых блестящих достижений советской археологии, значение которого трудно переоценить. Они открыли древний некрополь Херсонеса, проливающий свет на этнический и социальный состав населения города в первые века его существования. Дату этого некрополя, установленную Г. Д. Беловым, — конец V — конец IV вв. до н. э. (стр. 31) должно несколько раздвинуть, ибо ряд найденных там остродонных амфор, судя по форме их, заходит в III в. до н. э. Предполагать же, что среди этих могил встречаются принадлежащие более раннему времени, чем указано Г. Д. Беловым, у нас нет решительно никаких оснований. В силу этого вряд ли можно допустить, что могилы 1936—1937 гг. хотя бы частично относятся ко времени, предшествующему возникновению гераклейской колонии. Нужно думать, что они все современны Херсонесскому полису и в силу этого позволяют говорить о составе его населения.

Наличие значительного количества костяков, лежавших в скорченном положении, было особо отмечено в отчете Г. Д. Белова², указавшего, что эти покойники были не греками, а представителями туземного населения. Тогда же Г. Д. Беловым было высказано предположение о принадлежности этих покойников к таврам, причем указано, что последние вряд ли могли принадлежать к гражданам Херсонеса³. Последнее замечание, белго брошенное Г. Д. Беловым в его отчете о раскопках 1936 г., как нам представляется, заслуживает дальнейшего развития. До сего времени не было уделено достаточно внимания тому обстоятельству, то Херсонесский некрополь 1936—1937 гг. поражает своей бедностью. В подавляющем большинстве могил вещей вовсе не было или погребальный инвентарь был самый жалкий; захоронения неглубокие, нередко в земле, представлявшей мусорную свалку, а самое урочище, выбранное для некрополя, находилось вблизи от города. Другими словами, резко выступает стремление хоронивших избежать каких бы то ни было затрат и употребить возможно меньше усилий при похоронах покойных. Это впечатление небрежного, незаботливого отношения к праху покойников еще более усиливается скученным характером некрополя. Все это наводит нас на мысль о социально приниженном положении погребенных и, скорее всего, рабском положении большей части последних⁴. Подтверждается это предположение и различным характером погребального обряда (скорченные и вытянутые костяки, присыпка золой, наличие костей рыб в могилах и пр.). Это может быть объяснено различным этническим составом погребенных, что вполне естественно при рабском состоянии последних.

Таким образом, некрополь 1936—1937 гг., показывая, что в составе населения Херсонеса IV—III вв. до н. э. были многочисленные представители туземного населения, не дает еще основания заключить, что тавры участвовали в создании Херсонесского полиса и имели там гражданские права (ср. стр. 33). Нужно думать, что возникновение Херсонесского государства было в известной мере схоже с основанием его метрополии — Гераклеи Понтийской. Там мегарские колонисты покорили местных обитателей — мариандинов, широко использовав их подневольный труд в хозяйстве Гераклеи. Мало вероятно, чтобы хозяйство и государственность Херсонеса возникли на иной основе — на сотрудничестве с таврами.

¹ Г. Д. Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938, стр. 163—195; Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, стр. 31—32.

² Г. Д. Белов, Отчет..., стр. 194. Соглашаясь с Г. Д. Беловым в том, что скорченные погребения Херсонеса принадлежат туземному поселению, С. И. Капошина считает более вероятным отнести их к скифам (С. И. Капошина, Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса, СА, VII (1941), стр. 169—172).

³ Г. Д. Белов, Отчет..., стр. 195.

⁴ Вполне возможно, что, наряду с рабами, в этом могильнике хоронили своих покойников и местное свободное, но политически бесправное население (подобное перикам или метэкам). Этим покойникам могли принадлежать могилы с погребальным инвентарем.

Не можем мы также согласиться с предположением Г. Д. Белова, что с конца V в. до конца IV в. до н. э. главным и, вероятно, единственным занятием жителей Херсонеса была торговля. Нужно думать, что хотя херсонесцы занимались и торговлей и ремеслом, но основой их хозяйства было земледелие. Как и в Гераклее, дорийские колонизаторы Херсонеса скорее всего были не купцами, а вооруженными захватчиками, и местное население, вероятно, было в положении, близком к мариандинам. В полном соответствии с этим находятся и археологические данные — наличие вилл на Гераклейском полуострове уже в IV в. до н. э.¹

Если принять это положение, то сразу стпадает необходимость объяснить непонятный резкий переход херсонесцев в конце IV в. до н. э. от торговли к сельскому хозяйству. Широко развернутое сельское хозяйство в начале III в. до н. э., столь ярко выступающее в тексте гражданской присяги, нужно думать, явилось результатом дальнейшего роста экономической жизни Херсонеса и, вероятно, было связано с расширением его территорий.

Закапчивая нашу рецензию остановимся еще на одном вопросе. Г. Д. Белов (стр. 42 и сл.) выдвигает в высшей степени важное и, как нам представляется, убедительное предположение, что сооружение нижнего яруса основной линии оборонительных стен Херсонеса было завершено в начале эллинистического времени. Однако необходимо отметить, что это предположение требует одной оговорки. Дело в том, что на ряде блоков первого яруса стены имеются метки каменотесов², датированные В. В. Латышевым во всяком случае классическим временем. Указанное обстоятельство заставляет думать, что блоки первого яруса, вероятно, не были заново вытесаны в III в. до н. э., а лишь перенесены в это время на новое место со старой стены, разбиравшейся за ненадобностью. Такому предположению не противоречит и сходство этих блоков с квадратами развалин стены, датируемой Г. Д. Беловым IV в. до н. э. Да и трудно предположить, чтобы камни старой, утратившей свой смысл стены могли иметь иное употребление в разросшемся городе. Большие блоки для крепостных стен представляли значительную ценность, и нам известны случаи, когда в древности их перевозили на значительные расстояния для постройки новых оборонительных сооружений. Так, согласно свидетельству Страбона (XIII, 1, 38), митиленец Археанакт соорудил укрепления Сигея из камней Троп.

С вопросом о выяснении времени возникновения основной линии херсонесских стен неразрывно связан другой вопрос — находился ли некрополь 1936—1937 гг. в пределах городской черты или вне города. Новая датировка допускает второе решение. Однако и первое предположение, хотя и необычно для эллинистических городов, но не невозможно. Подобные примеры, правда редко, но встречались в дорийских общинах. Так, законы Ликурга не запрещали хоронить умерших в черте города и помещать памятники возле храмов³. Следуя древнему изречению оракула, тарентинцы еще в конце III в. до н. э. погребали своих покойников внутри городских стен (Полл., VIII, 30, 1—8).

Сделанные нами замечания отнюдь не обесценивают хорошей книги Г. Д. Белова. Нужно желать, чтобы аналогичные работы были посвящены и другим античным городам Северного Причерноморья.

В. Д. Блаватский

¹ Н. М. Печенкин, Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса, ИАК, вып. 42, стр. 108 — 126.

² А. Л. Бертъе-Делагард, О Херсонесе, ИАК, вып. 21, стр. 93, рис. 14.

³ Плут., Ликург, 27; он же, Древние установления лакедемонян, 18.